

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЕНЬ КОРОНАЦИИ

ОЛЕГ ДИВОВ
РОМАН ЗЛОТНИКОВ
ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН
ЭДУАРД ГЕВОРКЯН
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
ДМИТРИЙ ФЕДОТОВ
и другие

ДЕНЬ
КОРОНАЦИИ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6я43
Д34

Серия основана в 2003 году
Разработка серии *Е. Савченко*
Иллюстрация на переплете *М. Петрова*
Составители сборника: *Д. Володихин, С. Чекмаев*

Д34 **День коронации** ; [сост. Д. Володихин, С. Чекмаев]. — Москва : Эксмо, 2018. — 448 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-04-096787-2

Мечтаете о возрождении Российской империи? Тогда эта книга для вас!

Империя, то есть порядок, честь, сила, вера, динамичное развитие и процветание, — всё это обязательно будет. На Земле и на просторах Галактики. Но чтобы величественная Российская империя 2.0 стала реальностью, для начала требуется восстановить монархию. Кто же станет кандидатом? Из какой среды, по каким критериям отбирать достойных российского престола?

Разумеется, жестокий и расчетливый враг постарается не допустить этого. Грядут заговоры, диверсии, покушения на претендентов, битвы в киберпейсе, интриги спецслужб. Кровь прольется у ступеней храма. Но день коронации обязательно состоится. Император идет к нам!..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

© Беспалова Т., Ветлугина А., Володихин Д.,
Гаврилин П., Геворкян Э., Дивов О., Елисеев Г.,
Злотников Р., Иргенина Н., Казаков Д.,
Максименко Д., Прососов И., Сизарев С.,
Трускиновская Д., Федорчук Е., Федотов Д., 2018

© Состав и оформление. ООО «Издательство
«Эксмо»», 2018

ISBN 978-5-04-096787-2

ТОЙОН

не молод и многих людей повидал за свою жизнь. И много мест. Таких, как я, не очень-то пускают за кремлевскую стену. Однако площадь перед Архангельским собором я видел не раз.

Но здесь, на краю света, я впервые.

Край света не линия и не возведенная человеком стена. Край света — обширная плоскость, именуемая людьми тундрой. Теперь лето, и на краю света очень душно. Меня донимают кусачие насекомые. Лапы колет жесткая трава. Даже сейчас, в разгар северного лета, она имеет желтовато-бурый оттенок.

Но Государыне все нипочем. Впрочем, она-то обута в новенькие, на толстой литой подошве сапожки, а я в любую погоду хожу босиком. Девушка бежит, не зная усталости. Очень хочется ей поскорее увидеть Ледовитый океан.

Я слышал разговоры людей. Они утверждают, будто край покрытой жесткой травой плоскости обрывается в океан. Мы уже видели здешний берег через стекло иллюминатора. Ничего особенного, доложу я вам. Свинцовая равнина, тут и там исчерканная белыми крапинами пены. Сероватые лоскуты льдин местами сбиваются в обширные поля. Берег представляет собой гряду невысоких скал, удерживающих на своих плечах это вот пустынное плато, по которому мы идем. Скучный пейзаж немного оживляют запахи дичи, но из меня охотник никудышный. У меня иная служба. А вот Государыня нигде

не заскучает. Даже под этим неприветливым небом ей весело.

Государь, Государыня, Хозяин, Пастырь и Охотник шагают прямехонько на диск низко зависшего над горизонтом солнца. Государыня, конечно же, впереди всех. Ее светлые волосы выбились из-под платка. Она распахнула полы куртки — на берегу холодного океана в разгар лета довольно тепло, хотя ветер, задувающий с океана, напитан ледяным холодом. Государь немного отстал. Он внимательно рассматривает бурю растительность у себя под ногами — ищет ископаемые кости невообразимой древности. Охотник пообещал ему непременно и богатые находки. Хозяин и Пастырь замыкают шествие. Оба не молоды, но Хозяин выносливей, и он поддерживает Пастыря под локоть. Свиты нет. На бескрайней плоскости желтого плато лишь пятеро людей и четыре собаки. В этих пустынных местах по-настоящему опасной может быть только суровая природа.

Океана все еще не видно, но я чувю его соленый дух, но я уже слышу, как подтаявшие по летнему времени льды ворошат прибрежную гальку своими животами. Государыне хочется непременно первой добраться до края земли, а я почтительно поспешаю следом, стараясь, по смиренной старости своей, не слишком отставать от юной женщины. Муж Государыни черноглаз и темноволося, горделивый красавец. Он совсем ничего не боится. Государь, как и его жена, совсем молод. В такую пору жизнь видится вечным праздником. Государь еще не изведал страха преждевременных утрат, а потому и не боится потерять свою Государыню. Впрочем, юная царица в надежных руках. Человек из племени саха, Охотник, оберегает ее. Наверное, он даже чуточку влюблен в нашу Ксению. Влюблен ровно настолько, насколько это может позволить себе почтительный верноподданный. Да и меня рано сбрасывать со счетов.

Охотника зовут Герасим. Странное имечко для такого человека. С его плоского, обветренного, обрамленного жесткими, как проволока, волосами лица никогда не сходит улыбка. Он не стар и не молод. Он пахнет вечной зимой, жиром морских чудищ и миром. Он знает каждую кочку и каждую ямку на этой бескрайней плоскости. Он вооружен длинным шестом с острым металлическим наконечником. Герасим наобещал молодым супругам с три короба, а именно показать ископаемое чудовище. Помимо холодного океана этот труп или скелет является целью нашей продолжительной прогулки. Хозяин и, особенно, Пастырь не очень-то верят в существование ископаемого чуда. Но я-то знаю, оно действительно существует. Я чую едва уловимый запах существа, которое при жизни никого не боялось. Наверное, оно было огромным, очень сильным и совсем не злым. Останки давно умершего чудовища покоятся возле самой воды, и Охотник ведет нашу небольшую делегацию прямо к ним. Скорее всего, это просто кости, на которых нет ни мяса, ни шкуры, но для Охотника они представляют особенную ценность. Еще не добыв, он уже гордится этими костями. Я давно живу на свете и успел удостовериться в том, что у человека не такое чутье, как у собаки, даже если этот человек хороший охотник. Почему же наш Герасим так уверен в себе? Не он ли сам спрятал кости на берегу холодного океана?

Собаки Герасима выносливы и чрезвычайно дисциплинированы. Ни одна из трех остроухих сук пока так и не решилась приблизиться ко мне, хотя самая молодая и легкомысленная из них задорно скалила зубы и сворачивала тело в крендель — заигрывала. Мой Хозяин любит собак и при первом знакомстве с Герасимом каждую из его сук дружески потрепал по голове. При этом моя глотка издала сдавленный рык. Что поделаешь! Темперамент. Ревность. Это сильнее меня. Долгое, бесконечно

долгое по собачьим меркам время половина мира принадлежала моему Хозяину, но сам Хозяин может принадлежать лишь мне одному.

Герасим знает толк в собаках, его суки породисты и ухожены. А меня он похвалил:

— Хороший у вас пес. Окрас соль с перцем. Морда седая. Сколько ему лет? Почтенный возраст для такой крупной собаки. Только имя у него неподходящее. Я назвал бы вашего пса Тойоном. Он такой солидный и выдержанный. И еще. Я думаю, ваш пес лидер, вожак по натуре. Видите, как мои псицы отнеслись к нему? Уважают!

Герасим — смелый человек. Сказать такое Хозяину! Я живу с хозяином бок о бок второй десяток лет. Для пса я действительно очень стар, но именем моим мы оба всегда были довольны.

Мы достигли кромки обрыва, когда солнце поднялось в зенит. Стало жарко. Государыня, скинув куртку на руки Хозяину, устремилась по каменистой стежке вниз, к урезу воды. Я посмотрел на Хозяина.

— Иди за Ксенией, — сказал тот, и я начал спуск следом за Государыней.

Разве это тропа? Одно название! Мой путь усеян обломками прибрежных скал, острыми и мелкими. Камешки осыпаются из-под моих лап. Я часто оскальзываюсь, но мне удается сохранять равновесие. Суки Охотника крадутся следом. Эти двигаются бесшумно. Они молоды и сноровисты, а я стар и неповоротлив. Острые грани скальных осколков колют подушки моих лап. Одна из сук Герасима подобралась ко мне слишком уж близко. Молниеносный выпад, рык. Но медлительные мои челюсти ухватили лишь прохладный ветер. Юная нахалка успела увернуться. Пронзительно визжа, она прыгнула в сторону. Притвора! Мне же не удалось выдернуть из ее

шкура ни шерстинки. Государыня хохочет и требует своего. Ей подавай кости умершего в незапамятные времена чудища. Она уже стоит у подножия обрыва. Холодная вода плещется у самых ее ног. Охотник тоже на пляже, но он слишком беспечен. Его сейчас больше волнуют древние кости, чем Государыня всяя Руси, а это неправильно!

Я спускаюсь на пляж и неторопливо бреду вдоль кромки прибоя. Теперь Государыня совсем близко. Запрокинув голову, она рассматривает обрывистый берег. Ротик ее приоткрыт, щеки зарумянились, светлые волосы растрепались. Она очень красива и, похоже, в восхищении от серых скал. Старому псу нипочем не понять юную женщину. Что может быть привлекательного в безжизненных скалах, на которых не растет ни травинки? Ветер весело задувает с океана, и запах древних костей почти совсем потерялся в его соленой круговерти. Мои глаза слезятся. Собаки Охотника тоже спустились на пляж и теперь весело плещутся в ледяной воде. Вольно же им! Их шкура так крепки, что не сразу намокнут в воде. А мне-то, старому, каково? Эх, не намочить бы лап! Для меня главное — следовать за Государыней. Пришлось перейти на рысь. Бег по скользкой гальке — не простое занятие. Тут нельзя и увлечься. Я стараюсь держаться на почтительном расстоянии. Не подумала бы Государыня ненароком, будто я считаю ее слабой и неразумной! Охотник же, напротив, скачет вокруг нее, то опережая, то отставая на пару шагов. Время от времени он порывается подхватить Государыню под локоть, но рокот, издаваемый моей глоткой, внятен ему даже за воем ветра и плеском волн. Герасим так же ловок, как его суки. Преисполненный собственной значимости, он ведет Государыню в то место, где и без того узкую полосу пляжа прибоем излизал почти дочиста и холодные волны добегают до самого подножия утесов. Ему не нужно пользоваться

★ — обонянием. Он точно знает, где находятся древние кости. Теперь я уверен: Герасим сам их там и спрятал!

— Вот они! — Герасим старается перекричать ветер и беспорядочно машет руками.

— Я вижу! Вижу! — отвечает Государыня. — Какие они огромные!

Глаза мои слезятся от ветра. Я трясую головой и, наконец, вижу огромный череп, пустые, округлые глазницы и гигантские клыки. Серая скала кажется очень твердой. Как же древнее чудище сумело пробить ее?

— Это мамонт! Действительно мамонт! Он похож на барельефы дворца Уффици! — кричит Государыня. Она запрокидывает голову, щурится. Глаза старого пса намного слабей ясных очей юной женщины, но узкая фигура Государя, то появляющаяся, то исчезающая за урезом обрыва, видна и мне.

— Всеволод, я вижу мамонта! — кричит Государыня. — Иди к нам! Он здесь! Ах, бивни-то какие огромные!

О, да! Клыки древнего чудовища действительно впечатляют! Изогнутые, заостренные на концах, они выступают из серой толщи скалы так, словно древнее чудище в непреклонном стремлении выбраться под открытое небо проткнуло ими камень, да так и умерло.

— Здесь надо будет хорошенько поработать сначала кирками, а потом и зубилом, — объясняет Герасим. — Можно попытаться извлечь весь скелет, но особую ценность представляют именно бивни.

Я вздыхаю с облегчением. Нет, Охотник не обманщик. Он никак не смог бы нарочно замуровать скелет древнего Чуда-Юда в этой скале. Когда-то, может быть очень давно, оно само умерло здесь.

Государыня поражена. Широко распахнув глаза, она рассматривает торчащие из утеса кости. Герасим путано объясняет ей особенности летнего таяния верхнего слоя

вечной мерзлоты. Государыня слушает, а ледяной прибой все ближе подбирается к ее ногам. Холодный океан обманчиво ленив. Прибой, шелестя серой галькой, все ближе подбирается к ее сапогам. Еще миг — и ледяная вода захлестнет обувь Государыни, и тогда... Я приближаюсь и толкаю Государыню боком. Она делает пару неосторожных шагов к подножию обрыва. Ледяное одеяло прибоя следует за ней. Я шлепаю по воде. Принюхиваюсь. Вода действительно очень холодная. И соленая. Чтобы удостовериться в этом, мне — старому псу — пришлось ее несколько раз лизнуть. Я лизал воду украдкой, опасаясь насмешек Хозяина. Тот считает, что я любопытен, как щенок. А я-то просто осмотрителен, потому что сейчас, прохладным июлем 2025 года, здесь, на берегу Ледовитого океана, я отвечаю за безопасность Государыни.

— Для того чтобы извлечь кости, нам потребуется пара дней, — объясняет Герасим. — Надо действовать осторожно. Бивень может оказаться ценным экспонатом.

Герасим начинает бить по каменистому склону наконецником своего «копья». Каменные осколки летят в разные стороны. Один из них — крупный осколок с острыми краями — чиркает по рукаву Государыни. Я рычу уже в полный голос.

— Ксения! — слышу я крик. — Ксения!

Это Государь спешит к нам. Он, поминутно оскальзываясь, сбегает по узкой стезжке, и вот Государыня уже в его объятиях. Она смеется, а Ледовитый океан, словно приветствуя их, выбрасывает на берег пенистую волну. Меня окатывает ледяной водой. Сразу становится очень холодно. Я слепну и глохну. Лапы сводит болезненная судорога. Волна, безжалостная и жадная, тянет меня за собой, прочь от берега. Я барахтаюсь, загребая лапами, и уж не чувствую под собой твердой опоры. В этот момент крепкие руки подхватывают меня.

— Я поймал! Поймал его! — кричит Герасим.

★ Волна откатывает от берега, и я вижу взволнованное лицо Государя.

— Ну что же ты, старина! — говорит он. — Надо осторожней.

Оба, Герасим и Государь, одеты в высокие сапоги, непромокаемые штаны и куртки. Ледяные капли скатываются с их одежды. Зато я вымок основательно. В пасти солоно. В ушах звенит прибор.

Когда-то, не так уж давно, мне доводилось купаться в ледяной воде. Это случилось пару лет назад, а значит, я был чуточку моложе. Тогда Всеволод и Ксения — еще жених и невеста — непрерывно путешествовали. Будущие венценосцы навещали даже самые отдаленные и уединенные уголки своего царства, сопровождаемые многочисленной и не вполне лояльной свитой. Свита Государей — это часть стаи, членом которой являюсь и я, старый пес.

Собачья стая есть семья в безусловном подчинении у вожака. Для вожака главное — его стая. Интересы стаи в целом важнее, чем интересы любого из ее членов. Только при этих условиях стая может долго сохранять целостность и благополучие каждого своего члена. У людей все сложнее. Многих вещей я просто не понимаю. Почему, если видишь перед собой врага, просто не вцепиться ему в глотку и не размыкать челюстей, пока враг не ослабеет? Почему нельзя сообща догрызть поверженного врага, если заведомо ясно, что, едва окрепнув, он снова навредит? Вокруг сплоченной стаи всегда вертятся одиночки-падальщики. Хозяин считает, что таких надо или привлекать в стаю, давая каждому соответствующее место в ней, или вовремя отогнать.

Без стаи псу не жить. Отбейся от стаи, и ты уже мертвец — без поддержки сородичей падальщики, объеди-

нившись на время, порвут твою шкуру в клочья. Падальщики-одиночки — самые лютые из врагов.

Но член твоей стаи не может быть одновременно и твоим врагом. Если уж примкнул к стае, подчиняйся ее вожаку или вызови его на честный бой. У людей же в ходу поединки без правил. Я понимал тогда лишь одно: мой Хозяин решил строить новую стаю по образу давно умершей человеческой империи. Мои уши часто слышали слова «империя», «император», «царь». Потом появились оба разом Ксения и Всеволод — молодые и отважные. Хозяин возлагал свои самые большие надежды именно на них. Им Хозяин доверял, и потому я полюбил их. «Я ваш лучший друг, доверьтесь мне» — так говорили им многие. «У вас много врагов, остерегайтесь их» — так часто говорил им Хозяин. Пока он оставался главой стаи, падальщики лишь показывали клыки, но нападать опасались. Лишь кружили неподалеку в надежде на добычу. Они ждали, что стая вот-вот развалится, разбежится на стороны, и тогда каждый из них сможет урвать свой кусок мертвечины. Хозяину удалось сохранить целостность стаи. Его волю приняли и подчинились некоторые из падальщиков, сделали вид, что согласны, а Хозяин сделал вид, будто верит им. Люди называют это гражданским согласием. Хозяин говорил, что гражданское согласие — это трудная работа. Я всегда согласен с Хозяином, но в этом случае в моем согласии есть крошечное пятнышко неповиновения. Если ты занимаешь правильное место в стае, то твоя работа не может быть тяжелой. Я — пес. Моя работа — следовать за Хозяином, служить ему и разделять его взгляды на мир. Я умею делать свою работу, и потому мне живется легко.

В тот год, когда гражданское согласие, наконец, было достигнуто, будущие государи Всеволод и Ксения совершали поездку по своей империи, самое пристальное внимание уделяя ее отдаленным уголкам. Купание в ле-

★

дяной воде произошло на третьей неделе нашей поездки, на одной из переправ через сонную речку в Республике Коми. В тех далеких краях дорог почти нет. В холодное время года местные жители катаются по зимникам, ну а летом — кому как придется: посуху на вездеходах, по воде, на вертолетах.

Вертолеты эскорта будущих венценосцев приземлились на берегу тихой северной речки в самом начале лета. Машины сели на вновь отстроенный военный аэродром. Целью путешествия юных супругов, претендентов на имперскую корону, являлся небольшой, затерянный в лесотундре городок, населенный горняками и военными. Городок, расположенный на неудобных склонах лесистых сопок, и аэродром разделяла северная речка, тихая, широкая и холодная. Речку дважды в час пересекал медлительный паром.

Люди часто кланяются, улыбаются друг другу, пряча под шкурой злые чувства. Собака всегда искренна: и виляя хвостом, и скаля зубы. Собака вцепится в глотку только за дело. Собака последует за другом даже в том случае, если тому нечем ее накормить. Люди устроены сложнее. Они властолюбивы, корыстны, скрытны. Мой Хозяин всегда считался большим мастером разоблачения. Он располагал самым широким ассортиментом инструментов и навыков, необходимых для раскрытия тайных и недобрых замыслов. У меня же в наличии имеется один лишь инструмент — мой собственный, но весьма чуткий нос. Вот и в тот день я почуял неладное, как только автомобили будущих венценосцев и их свиты только вкатились на паром. Шумная толпа — разряженные не по погоде женщины и солидные мужчины — взошли на борт пешком, по новеньким, богато и сообразно случаю украшенным сходям. Сам паром — поручни и моторная будка — были так же богато разукрашены флажками с символикой воссозданных и новых дворянских родов,

цветными шарами, иллюминацией. Вдоль ограждения палубы располагались накрытые красными скатертями столы с закусками. Я чуял аромат сыров и мяса. Кто-то особенно внимательный к особе моего Хозяина, а значит, и к моей, поставил на краю одного из столов миску с ванильными сухарями. Всем известно, ванильные сухари — мое любимое лакомство.

Но мне в тот день было не до сухарей. Я почуял опасность, едва ступив следом за Хозяином на паром. Вы не знаете, как пахнет опасность? А я знаю! Опасность отвратительно смердит! Поначалу я никак не мог распознать источника запаха. В глазах рябило от трепетания разноцветных флажков. Ароматы парфюмерии мешались с запахами хорошо выделанной кожи. Вонь перегоревшей соляры, автомобильных покрышек и несвежей речной рыбы смешивалась с запахами хорошей еды. Однако эта головокружительная смесь не могла заглушить запаха заговора, опасности, смерти.

Паром уже отвалил от берега и плавно двигался от одного бакена к другому, держа курс на противоположный берег, где его встречала яркая и многолюдная толпа. Судно двигалось в шлейфе ароматов. Автомобили были припаркованы в середине палубы. Публика теснилась к бортам парома. Здесь были Хозяин и Пастырь, родители Всеволода и Ксении, их родственники и друзья. Среди прочих были и официальные лица. Некоторым из них Хозяин доверял. Иные, формально примкнув к стае, сохранили прежние повадки падальщиков-одиночек. В целом публика казалась беспечной. Из динамиков, размещенных на моторной будке, слышались звуки старинного, бравурного марша. Хозяин сразу увлекся разговором с одним из своих приближенных — человеком коварным и опасным. Может быть, именно из-за того, что человек этот часто и втайне препятствовал осуществлению планов моего Хозяина, тот не отпускал его да-